

Алина Павлович

ЛЮСИ

Рассказ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алина Павлович

Люси. Рассказ

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Павлович А.

Люси. Рассказ / А. Павлович — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Люси поступила к нам зимой. Ей было 12 лет, у нее были маленькие черные глазки и большой, непропорциональный рот с тонкими губами. Зимний набор ее вещей составляли шерстяные штаны, на пару размеров больше, растянутая водолазка и нелепый фиолетовый пуховик с зелеными карманами.- Весной меня увезут во Францию, - заявила Люси, как только Екатерина Андреевна привела ее в нашу комнату. Рассказ о девочке, которая попала в детдом, и которая отчаянно ждала своего папу из Франции. Содержит нецензурную брань.

© Павлович А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Люси поступила к нам зимой. Ей было 12 лет, у нее были маленькие черные глазки и большой, непропорциональный рот с тонкими губами. Зимний набор ее вещей составляли шерстяные штаны, на пару размеров больше, растянутая водолазка и нелепый фиолетовый пуховик с зелеными карманами.

– Весной меня увезут во Францию. – Заявила Люси, как только Екатерина Андреевна привела ее в нашу комнату.

– Люда, проходи в комнату и познакомься с девочками. Твоя кровать третья от стены.

– Я не Люда, я Люси. – Делая ударение на последнюю букву, строго поправила новенькая.

– Девочки, это ваша новая соседка. – Екатерина Андреевна бегло осмотрела комнату, заметила на полу валяющиеся бутылки из-под кока-колы и цокнула языком. – И где вы их только надыбали. Убрать. – Воспитательница вышла из комнаты, прикрыв дверь.

Люси, не глядя на нас, подошла к своей кровати и положила на нее пластиковый пакет. Из него она достала книгу, помятую желтую юбку в цветочек, блестящую блузку с бантом и побитые туфли – они были, кажется, на взрослого человека, но никак не на ребенка. Разложив юбку и блузку на кровати, она расправила их, чтобы разгладилась складки. Туфли Люси бережно поставила под кровать, а пакет повесила на спинку кровати. Справившись со всем, она села на край кровати и впервые пристально посмотрела на нас.

Наша комната была рассчитана на семь девочек. До Люси мы полгода жили вшестером – нашей седьмой соседке Полине исполнилось в июне восемнадцать лет и ее выпустили, по словам Екатерины Андреевны, в большой мир. Полина очень не хотела выходить в большой мир, долго плакала в последнюю ночь, а утром, уходя из детдома, только помахала нам рукой и просто сказала “пока”. После ухода Полины, Екатерина Андреевна нас долго успокаивала, говорила, что Полину удалось устроить в приличное место на кухню, и что где-то на юге города ей даже перепала комната.

– И она будет жить там совсем одна, в этой комнате?

– Да, совсем одна.

Мы заревели еще громче. Бедная, бедная Полина. Быть одному – еще хуже, чем быть всемером в одной комнате. Это ведь только ты, только комната, только кровать и стол. В шкафу висят только твои вещи, и ты не можешь одолжить другие. Ты не нужен ни этому столу, ни ни этой кровати, ни этим вещам. Тебя будто наказали и поставили в одиночку в угол – и ты стоишь там один, совсем один.

Ксюша и Ира были на два года младше Полины. В ту ночь они ревели дольше всех – до выпуска им оставалось два года, и воспитательницы уже активно привлекали их к труду – чтобы в большом мире можно было легче устроиться. Складывалось впечатление, что в этом большом мире только и делают, что намывают, готовят, убирают, гладят, стирают. На игр времени совсем не оставалось, и одними играми, как говорили воспитательницы, денег не заработать. Ксюша иногда высылали эти самые деньги – ее тетя работала на мясокомбинате, и иногда она приходила в детдом навестить Ксюшу. Мать Ксюши считалась без вести пропавшей, а отец был неизвестен. У самой же тети было трое детей, которых она периодически грозилась отправить к Ксюше. Благодаря деньгам Ксюшиной тети мы были очень богаты – мы могли покупать колу. У Иры же был отец. Он и привел ее в детдом, написав от нее отказную. Пару раз Ира видела его около детдома – он шатался возле калитки, не решаясь зайти. В последний раз Ира показала ему фак ю – средний палец. Этому ее научила до своего ухода Полина, сказав, что это лучший оберег от мудаков. Как говорит Ира, оберег сработал – больше своего отца у ворот детдома она не видела.

Кровать Иры была у самой стенки, рядом с ней стояла кровать Ксюши и следующая кровать была Оксаны. Оксане, как и мне, было четырнадцать. Она попала к нам пару лет назад, и практически ничего о себе не помнит. Поэтому про происхождение Оксаны ходили разные истории и сплетни. Иногда я просыпалась по ночам от негромкого воя Оксаны. Мне прихо-

дилось ее будить, она пару секунд как-то странно на меня смотрела, потом что-то негромко мычала, кивала мне головой и поворачивалась на бок – спать дальше. Оксана знала совсем немного слов. А, может, просто не хотела пользоваться другими. Моя кровать находилась рядом с Оксаниной и Полининой, которая потом перешла к Люси. По другую сторону от Люси находилась кровать Светы. Свете было десять лет и у нее были очень красивые светлые волосы. Видимо, в честь света ее так и назвали. Она часто их распускала и бегала по коридору – так, чтобы волосы развевались, как у принцессы из мультика. Света говорила много, но половина ее слов была запрещенная. За них воспитательницы ставили в угол, а иногда даже пугали взмахом руки для удара. Но воспитательницы никогда Свету не били – они только говорили “яблоко от яблоньки”. А Света тут же их передразнивала – “ебленько от ебленьки” и быстро убегала, развевая волосами. Рядом со Светиной кроватью, у стены, стояла кровать Наташеньки. Наташенька была у нас самая маленькая. Ей было пять лет и она умела смешно хрюкать. Воспитательницы горевали, что только это она и умеет. Мы же Наташеньку очень любили и учили другим звукам – мычанию коровы, мяуканью кошки, гавканью собак и кокотанию курочек. Наташенька заливалась громким смехом и хрюкала нам в ответ. Я же сама не помнила, как оказалась в детдоме. Как мне рассказывала Екатерина Андреевна, меня принесли сюда совсем новорожденной. А я думала, что это все выдумки, и никто меня не приносил. Я просто появилась здесь, прямо на моей кровати.

Мы все с интересом смотрели на Люси. Она переводила взгляд от одной девочки к другой и вздрогнула, когда услышала хрюк Наташеньки.

– Где здесь туалет? – голос Люси звучал немного глухо и слегка дрожал.

– Слева, в конце коридора. – Ира, приподнявшись на локте на кровати, с улыбкой рассматривала новенькую.

– Мерси.

Люси встала с кровати, и, уже не глядя на нас, вышла из комнаты.

– Мерси, тужур! – Рассмеявшись, передразнила ее Ира, когда за Люси закрылась дверь.

Поднявшись со своей кровати, Ира подошла к кровати Люси, вытащила ногой спрятанные побитые туфли и засунула в них свои ноги.

– Прямо на меня. – Ира с восторгом рассматривала обновку.

В нашей комнате стоял один шкаф на всех. Там висело десять платьев, было несколько пар джинс и брюк, кофты и майки. Это все было нашим, общим. Одежды было много – воспитательницы иногда приносили пакеты, доверху набитые вещами. Но вот красивой одежды – мало. Принесенные Люси юбка и блузка были очень-очень красивыми. Мы все подошли к кровати Люси – нам хотелось примерить их на себя как можно скорее. Блузка была очень похожа на ту, которую я видела в одном фильме – она также блестела и на шее завязывалась красивым бантом. Желтую юбку уже нацепила поверх джинс Ксюша – старшие, как правило, были первые, кто примерял на себя новые вещи. Вдоволь покрутившись в обновках, они уже потом помогали нам, младшим, нацепить на себя новую одежду. Я провела рукой по блузке и обратила внимание на лежащую рядом с ней книгу – грамматику французского языка. На обложке были изображены молодые ребята, широко улыбающиеся очень белыми зубами. За их спинами торчала железная башня, батоны белого хлеба и стеклянная пирамида. На книге была надпись “Грамматика французского языка. 7 Класс”.

– Это мое! – за нашими спинами раздался громкий вскрик вернувшейся Люси.

Она метнулась к Ксюше, чтобы стянуть с нее юбку. Ксюша, не ожидавшая нападения, расстегнула юбку и стащила ее с тебя. Люси вырвала юбку из рук Ксюши и кинулась к туфлям, в которых стояла Ира.

– Отдай, это бабушка мне подарила!

Ира засмеялась. Она вообще очень часто смеялась. Лишь раз я видела, как Ира плачет – когда ушла Полина. Мы уже привыкли к тому, что Ира может начать смеяться в не самый

подходящий момент. Она смеялась, когда когда в мультике с кем-то происходило несчастье, или когда кто-то плакал. Она смеялась, если дети начинали драку, или если воспитательницы кого-то ругали. Но особенно ее смешило, когда кто-то говорил очень прямые, грубые вещи. Ее очень веселило то, как люди реагируют, слыша про себя правду. “Сразу их лица настоящими становятся” – говорила Ира. Себя Ира называла “правдолюбом”. “Я не терплю вранья. И когда говорят правду, я кайфую. Поэтому и смеюсь” – объясняла свой смех Ира. За это она пользовалась большим уважением, и многие спрашивали у нее совета – все знали, что Ира ответит честно, без подлизов. После ухода Полины, Ира осталась у нас за главную. Она распоряжалась уборкой в комнате, списком покупок в магазине, нашими нарядами на праздник. Мы не представляли, как бы без Иры вообще выжили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.